

Исследования

ДЕНИС БАБИЧЕНКО

**Жданов, Маленков
и дело ленинградских журналов***

После того как в августе 1946 года было принято печально известное постановление ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», очевидцы и участники тех событий, а в последнее время и исследователи задаются вопросом: почему же все-таки ленинградские журналы, почему Ахматова и Зощенко? При кажущейся проясненности всего и вся существует немало загадок, разгадав которые можно пролить дополнительный свет на некоторые существенные сюжеты закулисной политической истории. Сегодня предпринимается попытка сделать это при помощи документов из фондов бывшего Центрального партийного архива**.

Известно, что предыстория постановления ЦК о ленинградских журналах берет свое начало в конце 1943 года, когда в докладной за подписью начальника управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрова, его заместителя А. А. Пузина и заведующего отделом художественной литературы А. М. Еголина прозвучала идея «принятия специального решения ЦК ВКП(б) о литературно-художественных журналах»***. С этого времени под удар политических проработок попали многие известные и не очень известные писатели, поэты, критики — авторы «идеологически вредных» произведений.

В упомянутой докладной о рассказе А. Платонова «Оборона Семидворья», опубликованном в 5–6 сдвоенном номере журнала «Знамя» за 1943 год, сообщалось, что произведение «написано плохим,

* Впервые: Вопросы литературы. 1993. № 3. С. 201–214.

** С октября 1991 года — Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ныне — Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

*** РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Ед. хр. 212. Л. 141–152.

вычурным языком», а «образы героев — советских бойцов и командиров — оглулены». К этим грехам прибавились и замечания о наличии в рассказе «вздорных рассуждений» и «нелепых изречений»*. Последнее замечание было заимствовано из критической статьи Ю. Лукина «Неясная мысль», опубликованной в «Правде» 8 июля 1943 года. Затем и «Знамя» — видимо, было получено соответствующее указание — присоединилось к критике своего автора в статье В. Смирновой «Холодненькими словами...» (1943, № 9–10).

В 1943–1944 годах генералы от идеологии дважды усмотрели покушение на устои общества в творчестве А. Довженко. Сначала — в киноповести «Победа», а затем и в сценарии «Украина в огне». В конце ноября 1943 года по указанию Сталина управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) приняло решение о полной изоляции произведений Довженко в центральной и местной печати. 12 февраля 1944 года специальным постановлением украинского политбюро, подписанным Н. С. Хрущевым, Довженко был освобожден от всех должностей и постов**.

«Ряд политически ошибочных стихотворений» был усмотрен в 1943 году и в сборнике стихов Н. Асеева «Годы грома». Набранную и сверстанную в Гослитиздате книгу запретили по инициативе Г. Александрова и с согласия секретарей ЦК А. С. Щербакова, Г. М. Маленкова и А. А. Жданова***. Тогда же управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) по предложению Маленкова готовило постановление секретариата «Об ошибках в творчестве И. Сельвинского»****. В начале 1944 года Ждановым была организована разгромная критика первой части повести М. Зощенко «Перед восходом солнца», опубликованной в журнале «Октябрь»***** (1943, № 6–7, 8–9).

Видимым итогом «боев на литературном фронте» явилась отставка председателя правления Союза советских писателей СССР А. Фадеева на IX пленуме Союза писателей в начале февраля 1944 года. В выступлениях на пленуме нового председателя писательской организации Н. Тихонова, а также Г. Александрова уже публично подверглись критике «вредные произведения» Асеева, Довженко, Зощенко и Сельвинского.

Ну, а что же происходило в недрах партаппарата? 2 декабря 1943 года секретариат ЦК принял закрытое постановление «О контроле над литературно-художественными журналами», обвинив управление пропаганды и агитации ЦК в «слабом контроле» за вы-

* Там же. Л. 149.

** Там же. Ед. хр. 232. Л. 9.

*** Там же. Ед. хр. 212. Л. 96–99.

**** Там же. Л. 67.

***** Там же. Ф. 77. Оп. 1. Ед. хр. 963. Л. 2.

пускаемой в стране литературой. Секретариат, по предложению А. Щербакова, возложил личную ответственность за публикации в «Новом мире» на Г. Александрова, а в «Знамени» и «Октябре» на его заместителей — А. Пузина и П. Федосеева*. На следующий день секретариат проголосовал за постановление «О повышении ответственности секретарей литературно-художественных журналов», в котором предписывалось «повысить требовательность к качеству публикуемых <...> произведений» с тем, чтобы полностью исключить «появление в журналах антихудожественных и политически вредных произведений»**.

Писательским делам было посвящено совещание работников управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), проходившее 31 марта 1944 года у А. Щербакова. Доклад о положении в художественной литературе сделал А. Еголин, он сообщил: «Сейчас готовятся решения по каждому в отдельности журналу о коренной перестройке, потому что работают журналы еще плохо»***.

Первый удар пришелся по журналу «Знамя». 4 апреля ответственные работники управления пропаганды А. Еголин и М. Иовчук доложили А. Щербакову о политической ошибке ответственного секретаря журнала Е. Н. Михайловой, принявшей к печати (опубликованы они не были!) статьи Ю. Юзовского «Критический дневник», Е. Усиевич «Непокоренные» и Л. Озерова «Об украинской поэзии военных лет»****. Затем крамолу в «Знамени» обнаружили Г. Александров, Д. Поликарпов и П. Федосеев. 4 августа они информировали Жданова о «серьезных недостатках» и «грубых ошибках» редколлегии журнала, подготовившей к публикации статьи трех упомянутых критиков, поэму Е. Долматовского «Вождь» (в ней, по мнению авторов докладной записки, неверно изображалось отступление Красной Армии в первые месяцы войны) и «пустые», «манерные» рассказы В. Шкловского «О разлуках и потерях»***** (1943, № 11–12). В итоге 23 августа 1944 года было принято специальное негласное постановление оргбюро ВКП(б) «О журнале “Знамя”», в котором отмечалось, что «состав редколлегии (А. А. Исбах, В. И. Лебедев-Кумач, В. А. Луговской, М. Р. Соколовский. — Д.Б.) не обеспечивает ведение журнала на должном идейном и литературно-художественном уровне»*****.

В веренице этих событий свое место занимала и докладная записка наркома государственной безопасности СССР В. Н. Меркулова

* РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Ед. хр. 140. Л. 15, 16.

** Там же. Л. 20, 21.

*** Там же. Оп. 125. Ед. хр. 125. Л. 16.

**** Там же. Ед. хр. 284. Л. 36–43.

***** Там же. Оп. 117. Ед. хр. 438. Л. 12–17.

***** Там же. Оп. 116. Ед. хр. 168. Л. 2.

о политически вредных настроениях и высказываниях писателей Асеева, Зощенко, Сельвинского, Федина, Довженко, К. Чуковского и других, направленная на имя Жданова 31 октября 1944 года*.

Ну, а что же Анна Ахматова? В 1943–1944 годах, как мы видели, ее имя ни разу не появлялось в списке писателей, подвергавшихся «проработкам». Может быть, тучи над ней сгустились в следующем, 1945 году? Вовсе нет. Заглянем в одну из обзорных докладных о состоянии художественной литературы, которую А. Еголин 3 августа 1945 года подготовил для Г. Маленкова в связи с обсуждением работы издательства «Советский писатель» на оргбюро ЦК. В ней — знакомые имена: Асеев, Зощенко, Сельвинский, К. Чуковский, которые «усугубляли и без того тяжелые переживания советских людей» в годы войны. Довженко (киноповесть «Украина в огне») и Н. Шпанов (пьеса «Медальон») были зачислены в разряд писателей, которые «отошли от нашей идеологии, стали пересматривать советские взгляды на действительность, на общественные отношения». Досталось и Вс. Вишневскому за изображение в пьесе «У стен Ленинграда» бывшего офицера царской армии «честным, благородным патриотом», выявлены были стихотворения, «проникнутые мотивами страдания, смерти, обреченности»**, В. Лившица, М. Дудина, В. Рождественского, О. Берггольц, опубликованные в «Звезде», и многие другие произведения. В заключение А. Еголин доложил, что среди писателей ведется немало разговоров «о притеснениях их со стороны цензоров и редакторов»***. Например, выступление Вс. Вишневского на пленуме ССП содержало идею «буржуазной свободы творчества», а на заседании президиума Союза Вишневский держал себя вызывающе и твердил: «Мы воевали, мы боролись, дайте нам свободу слова»****.

Как видим, имен и произведений, достойных осуждения в специальной партийной резолюции, было достаточно. Судьба же Ахматовой складывалась на первый взгляд благополучно. Сборник поэтессы «Стихи. 1909–1945» объемом шесть печатных листов и тиражом десять тысяч экземпляров — достаточно солидный по тем временам — был включен в план Гослитиздата на 1945 год. 20 июня 1945 года план был представлен на оргбюро ЦК, где книга Ахматовой была утверждена наряду с произведениями А. Толстого, Л. Леонова, Н. Тихонова, М. Шолохова, Б. Пастернака, Д. Бедного, С. Есенина

* См.: Родина. 1992. № 1. С. 92–96.

** РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Ед. хр. 366. Л. 214.

*** Там же. Л. 220. Истины ради следует отметить, что А. Еголин здесь же признал: «Несомненно в какой-то части своих замечаний по адресу цензуры и редакторов писатели правы».

**** РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Ед. хр. 366. Л. 221.

и многих других. В 4-м номере журнала «Знамя» за 1945 год были опубликованы стихи Ахматовой. В марте 1946 года в издательстве «Правда» была подписана к печати ее новая книга «Избранные стихи. 1910–1946», которую предполагалось выпустить тиражом сто тысяч экземпляров*.

Начало 1946 года, несмотря на отставку «бдительного» оргсекретаря писательского союза Д. Поликарпова**, облегчений писателям не принесло: они по-прежнему жаловались на притеснения со стороны редакторов и цензуры.

13 апреля 1946 года все приготовления аппарата ЦК были рассмотрены на заседании политбюро под председательством Сталина. О новых методах руководства культурой в свете последних установок «учителя» было решено оповестить сотрудников аппарата ЦК на совещании по вопросам пропаганды и агитации, которое проводил Жданов 18 апреля. С отчетом о проделанной работе выступил новый начальник отдела художественной литературы Г. И. Владыкин. Докладчик подчеркнул, что «хороших и крупных, значительных произведений у нас, к сожалению, довольно мало». Причина такого положения вещей, по мнению выступавшего, заключалась в «недостаточной» работе с литераторами Союза писателей. Подытожил свое выступление Г. Владыкин так: «Сейчас одним из важнейших вопросов для нас является вопрос о литературной критике, как поправить это дело»***.

Эту тему продолжил выступивший следом Жданов: «Товарищ Сталин дал очень резкую критику нашим толстым журналам, причем он поставил вопрос насчет того, что *наши толстые журналы, может быть, даже следует уменьшить* (здесь и далее курсив мой. — Д. Б.). Это связано с тем, что мы не можем обеспечить того, чтобы они все велись на должном уровне. Товарищ Сталин назвал как самый худший из толстых журналов “Новый мир”, за ним идет снизу “Звезда”. Относительно лучшим или самым лучшим товарищ Сталин считает журнал “Знамя” (еще бы, ведь не так давно по нему принимали решение ЦК! — Д. Б.), затем “Октябрь” <...>. Товарищ Сталин указывал, что для всех четырех журналов не хватает талантливых произведений, значительных и что уже это показывает, что количество журналов велико у нас, в частности, он указывал на це-

* Книга Анны Ахматовой «Избранные стихи, 1910–1946» была запрещена к распространению 27 августа 1946 года сразу после постановления ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» специальным циркуляром уполномоченного Главного управления по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров СССР.

** Д. А. Поликарпов был смещен с этого поста решением оргбюро ЦК ВКП(б) 3 апреля 1946 года, которое было утверждено политбюро ЦК ВКП(б) 9 апреля.

*** РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Ед. хр. 377. Л. 34.

лый ряд слабых произведений, указывал на то, что в “Звезде” появилась “Дорога времени”, затем “Под стенами Берлина” Иванова <...>. Что касается критики, то товарищ Сталин дал такую оценку, что никакой критики у нас нет <...>. Товарищ Сталин поставил вопрос о том, что эту критику мы должны организовать отсюда — из Управления пропаганды <...> ибо товарищ Сталин говорил о том, что нам нужна объективная, *независимая от писателя* критика»*.

Итак, план мероприятий, освященный именем вождя, был намечен. Правда, Жданов не говорил напрямую о постановлении ЦК ВКП(б). Но аудитория исполнителей была подготовленной и безусловно представляла себе дальнейший ход действий. Карты открыты — назван самый «худший» журнал — «Новый мир» и конкретные произведения перечисленных писателей. Но вряд ли из слов Жданова явствовало, что удар придется именно по Ленинграду, по Ахматовой и Зощенко.

Так чем же все-таки была вызвана неожиданная атака против ленинградских журналов спустя почти четыре месяца? Почему на протяжении нескольких лет, критикуя все толстые журналы (как мы успели заметить, в основном московские) и даже предлагая часть из них закрыть, в ЦК выбирают в конце концов «Звезду» и «Ленинград», вообще впервые упомянутый в документах управления только в августе 1946 года?

Обратим внимание на следующее обстоятельство. В постановлении ЦК ВКП(б) от 14 августа «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», в принципе посвященном делам литературным, было предъявлено обвинение партийному руководству Ленинграда: «Ленинградский горком ВКП(б) проглядел крупнейшие ошибки журналов. <...> Зная отношение партии к Зощенко и его “творчеству” <...> тт. Капустин и Широков**, не имея на то права, утвердили решением горкома <...> новый состав редколлегии журнала “Звезда” <...>. Тем самым ленинградский горком допустил грубую политическую ошибку»***. В то время, как в принятых тогда же постановлениях «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» (26 августа 1946 года) и «О кинофильме “Большая жизнь”» (4 сентября того же года), касавшихся организаций, подпадавших под опеку московско-

* Там же. Л. 34, 35.

** Я. Ф. Капустин (1904–1950) — в 1945–1949 годах второй секретарь ленинградского горкома ВКП(б). В постановлении ЦК ВКП(б) 14 августа 1946 года ему был объявлен выговор за принятие решения ленинградского горкома от 26 июня 1946 года «О редколлегии журнала “Звезда”». 1 октября 1950 года был осужден и расстрелян в связи с так называемым «ленинградским делом». И. М. Широков (1899–1984) — в 1945–1946 годах секретарь ленинградского горкома ВКП(б) по пропаганде.

*** См.: Правда. 1946. № 225 (10307). 21 сентября.

го горкома партии, упоминаний об ошибках столичной партийной организации не содержалось.

Разумеется, сам по себе факт «двойного назначения» резолюции ЦК ВКП(б) не является открытием.

В документальной повести «Последний удар» В. Демидов, анализируя обстоятельства принятия постановления от 14 августа, например, задается вопросом: «Ну зачем Жданову столь крупный скандал вокруг партийной организации и культурного социума, которые он лично — одиннадцать лет! — формовал и пестовал?.. Разве же не страдал и его политический авторитет...» И хотя отсутствие каких-либо достоверных источников оставило поставленные вопросы без ответа, было очень точно замечено: «Похоже, что кроме Сталина и Жданова там был кто-то третий, ускользнувший от нашего пытливого взгляда»^{*}.

Имеющиеся факты позволяют утверждать, что этим третьим был Маленков.

В марте 1946 года пленум ЦК утвердил члена оргбюро, секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова членом политбюро ЦК. Кроме него все три высших поста в партии занимали только Сталин и Жданов — второй человек в партии. Однако уже вскоре после взлета над Маленковым начали сгущаться тучи. Его удалили с важнейшего поста начальника управления кадров ЦК ВКП(б) и назначили на эту должность ближайшего сотрудника Жданова, энергичного секретаря ленинградского обкома и горкома ВКП(б) А. А. Кузнецова.

В начале 1946 года по указанию Сталина было сфабриковано так называемое «дело авиационных работников», арестованы Главный маршал авиации А. А. Новиков и нарком авиапромышленности А. А. Шахурин. Аресты этих людей не могли не затронуть Маленкова, курировавшего этот наркомат в секретариате. 6 мая по предложению Сталина опросом членов ЦК ВКП(б) Маленков снят с поста секретаря ЦК ВКП(б) и в конце концов оказался в Средней Азии. От более серьезных санкций Маленкова спас Берия, он же помог ему быстро вернуться в Москву.

Однако ко времени возвращения прежние позиции Маленкова были утрачены, а многие ответственные посты в ЦК ВКП(б) заняты «ленинградцами»: Жданов еще с апреля единолично отвечал за идеологическую работу, вел некоторое время в секретариате вопросы авиапромышленности, следил за работой управления по проверке партийных органов; Кузнецов, ставший вместе с Маленковым секретарем ЦК на мартовском пленуме ЦК 1946 года, активно работал на посту начальника управления кадров ЦК, отмечая на различных

^{*} Демидов В. И., Кузнецов В. А. Последний удар // Ленинградское дело. Л., 1990. С. 51.

совещаниях крупные недостатки в деятельности управления при прежнем начальстве.

Дело ленинградских журналов невозможно рассматривать вне этого контекста*.

Поначалу события в Ленинграде не привлекали особого внимания в ЦК. 26 июня 1946 года бюро ленинградского горкома приняло постановление, утвердившее новый состав редколлегии журнала «Звезда», в который вошел М. Зощенко. 6 июля орган горкома партии «Ленинградская правда» публикует статью Ю. Германа о творчестве этого писателя, позднее оцененную в ЦК как «подозрительную хвалебную». В конце этого же месяца читатели получают сдвоенный 5–6 номер «Звезды» с рассказом Зощенко «Приключения обезьяны».

А потом что-то произошло в Москве. Спешно, буквально за несколько дней, в ЦК ВКП(б) готовится постановление о ленинградских журналах. Только 7 августа Александров и Еголин посылают Жданову докладную «О неудовлетворительном состоянии журналов “Звезда” и “Ленинград”» и первый вариант проекта постановления ЦК, а уже через день, 9 августа, вопрос выносится на заседание оргбюро ЦК.

В обширной восьмистраничной докладной Александрова и Еголина Анне Ахматовой (вместе с поэтами И. Садофьевым и М. Комиссаровой) вменялись упаднические настроения в творчестве, в качестве примера которых приводилось ее стихотворение, опубликованное в первом номере «Звезды» за 1946 год:

Мой городок игрушечный сожгли,
И в прошлое мне больше нет лазейки.
Там был фонтан, зеленые скамейки,
Громада парка царского вдали.
На масляной — блины, ухабы, вейки,
В апреле — запах прели и земли,
И первый поцелуй...

О рассказе Зощенко было сказано, что «описание походов обезьяны автору понадобилось только для того, чтобы издевательски подчеркнуть трудности жизни нашего народа в дни войны. <...>

* Подробно, с привлечением архивных материалов ленинградского горкома, сюжет внутрипартийной борьбы между ждановской и маленковской группировками, повлиявшей на направление удара и содержание постановления о ленинградских журналах, был рассмотрен в статье В. Волкова «За кулисами. Некоторые комментарии к одному постановлению» (Аврора. 1991. № 8).

В изображении Зощенко советские люди очень примитивны, ограничены. Автор оглушает наших людей» *.

Эти собранные в спешке обвинения были столь неосновательны, что на заседании оргбюро 9 августа Сталину пришлось потратить немало слов, чтобы хоть как-то объяснить присутствующим писателям порочность творчества Ахматовой:

«[А.] Прокофьев. <... > Я считаю, что не является большим грехом, что были опубликованы стихи Анны Ахматовой. Эта поэтесса с небольшим голосом, и разговоры о грусти, они присущи и советскому человеку.

Сталин. Анна Ахматова, кроме того, что у нее есть старое имя, что еще можно найти у нее?

Прокофьев. В сочинениях послевоенного периода можно найти ряд хороших стихов. Это стихотворение “Первая дальнбойная” о Ленинграде.

Сталин. Одно-два-три стихотворения и обчелся, больше нет.

Прокофьев. Стихов на актуальную тему мало, но она поэтесса со старыми устоями, уже утвердившимися мнениями и уже не сможет, Иосиф Виссарионович, дать что-то новое.

Сталин. Тогда пусть печатается в другом месте где-либо, почему в “Звезде”?

Прокофьев. Должен сказать, что то, что мы отвергли в “Звезде”, печаталось в “Знамени”.

Сталин. Мы и до “Знамени” доберемся, доберемся до всех.

Прокофьев. Это будет очень хорошо» **.

Как видим, конкретных обвинений нет. Больше того, Сталин прилюдно соглашается с тем, что «недостатки» ленинградских изданий ничем не отличаются от московских. Не случайно поэтому, что и Жданов, готовясь к докладам в Ленинграде, в своих тезисах смог лишь набросать: «Взбесившаяся барыня. Тематика ее поэзии — между будуаром и моленной. <...> Губы да зубы, груди да колени. <...> Тоска. Одиночество. <...> Ковыряние в своих эмоциях. Отравляет сознание» ***. Так и не найдя нужного криминала в последних стихах Ахматовой, Жданов восполнил этот бросавшийся в глаза пробел тем, что в опубликованную в конце сентября сокращенную и обобщенную стенограмму своих докладов вписал отрывок из стихотворения Ахматовой «А ты думал я тоже такая...», опубликованного... в сборнике стихов в 1940 году****.

* РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Ед. хр. 628. Л. 14.

** Там же. Книга внутренних перемещений. № 4589. Ед. хр. 4. Л. 9.

*** Там же. Ф. 77. Оп. 1. Ед. хр. 978. Л. 3.

**** Вспомнил про эту книгу А. Жданов не случайно. Тогда, в сентябре 1940 года, именно с его подачи было принято решение секретариата ЦК

Еще более нелепая ситуация сложилась вокруг Зоценко. Рассказ «Приключения обезьяны», на который обрушили огонь критики, неоднократно публиковался ранее: первый раз в детском журнале «Мурзилка» (1945, № 12), во второй — в начале 1946 года — в его книге «Фельетоны, рассказы, повести», затем в «Избранных произведениях» (книга вышла в свет в июле) и в сборнике рассказов, вышедшем в Библиотеке «Огонек» в этом же году. Именно поэтому, желая помочь Зоценко, редактор «Звезды» В. Саянов решил перепечатать этот безопасный и уже «апробированный» рассказ. Торопившиеся работники ЦК ВКП(б) этот факт проигнорировали. На заседании оргбюро, вмешавшись в обсуждение рассказа писателя, Сталин попал в неловкое положение, продемонстрировал полное незнание сути вопроса. Прервав выступление Саянова, он спросил: «Этот ваш журнал для детей издается?» И после отрицательного ответа заявил: «А почему в детский журнал не поместили?»*

Что касается второй составляющей августовского постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград» — обвинений в адрес ленинградского горкома, то совершенно очевидно свою роль сыграл Маленков.

Хотя сам факт критики ленинградских журналов бросал тень на руководство города, каких-либо серьезных претензий к нему первоначально не предъявлялось. В проекте постановления ЦК, подготовленном людьми Жданова до заседания оргбюро, были сделаны лишь замечания управлению пропаганды и агитации ЦК и отделу пропаганды ленинградского горкома, которые «не уделяют должного внимания журналам» и «не проявляют о них достаточной заботы»**.

На самом заседании оргбюро 9 августа обсуждение первоначально пошло в русле, заданном проектом постановления. Писатели Б. Лихарев и В. Саянов осуждали свои ошибки, публикацию произведений «безыдейных» авторов. На прегрешения литераторов напирал и первый секретарь ленинградского горкома партии П. С. Попков. Задача, стоявшая перед ним, была непростой. С одной стороны, ему нужно было объяснить по поводу слабого руководства журналами («За это полугодие мы, горком партии, не удосужились ни разу поставить отчет или доклад редакционной коллегии и посмотреть план работы <...> как “Звезды”, так и “Ленинграда”»***), а с другой — отвести от горкома конкретные обвинения по поводу самостийного,

ВКП(б) «Об издании сборника стихов Ахматовой», постановившее изъять книгу. См. подробнее: публикация Д. Бабиченко «Как запрещали Ахматову» (Свободная мысль. 1991. № 18).

* РГАСПИ. Книга внутренних перемещений. № 4589. Ед. хр. 4. Л. 1.

** Там же. Ф. 17. Оп. 117. Ед. хр. 628. Л. 7.

*** Там же. Книга внутренних перемещений. № 4589. Ед. хр. 4. Л. 13.

утвержденного без согласования с ЦК ВКП(б) нового состава редколлегии «Звезды» и включения в нее Зоценко. Ответственность за инцидент с редколлегией П. Попков постарался полностью возложить на писателей: «Я считаю, что виновата редакционная коллегия и, в частности, т. Саянов и тот состав редакции, который был. У них у всех очень большой авторитет имеет Зоценко. <...> когда обсуждали последний состав редакции, я не был, но они все рекомендовали Зоценко»*.

Казалось, вопрос исчерпан. Попков продолжал свою речь, миновав самый опасный «поворот» в обсуждении, однако неожиданно был прерван Маленковым: «Зачем Зоценко утвердили?»**

Попков вынужден был вновь вернуться к вопросу о редколлегии и на этот раз, чувствуя, куда клонит Маленков, признать свою ошибку: «Я должен взять вину на себя, я это решение горкома партии проглядел, без меня это было, проводил заседание товарищ Капустин. Я не снимаю ответственности с себя, но я слишком поздно узнал»***.

Поворот к осуждению горкома наметился. И когда слово получил секретарь ленинградского горкома по пропаганде И. Широков, его подвергли настоящему допросу:

«Сталин. А такие, как Зоценко, они имеют власть над журналом. Это что же, ленинградский журнал или журнал Союза писателей?»

Широков. Нет, не ленинградский.

Сталин. Вы хотите, чтобы было подтверждено ваше решение?

Жданов. Вы оформили новую редакцию или обе существуют?

Широков. Мы решение приняли у себя.

Маленков. Приняли решение утвердить редакцию и ввели Зоценко.

Сталин. Ленинградский комитет осведомлен о вашем решении о новой редакции?

Маленков. Это ленинградский комитет решил.

Сталин. Вы что же, требуете, чтобы мы утвердили это?»****

Бдительность Маленкова, получившая одобрение у Сталина, способствовала тому, что в окончательный вариант постановления о журналах был внесен пункт о грубой политической ошибке ленинградского горкома.

Для руководителей Ленинграда и их московских покровителей — Жданова и Кузнецова это был, конечно, удар, хотя они попытались сделать все для того, чтобы смягчить его. Характерная сцена произошла в перерыве заседания оргбюро 9 августа. По воспоминаниям

* Там же.

** Там же. Л. 14.

*** Там же.

**** Там же. Л. 22, 23.

П. И. Капицы, «к Саянову подошел секретарь ЦК по кадрам Алексей Кузнецов. Он начал уверять Виссариона (Саянова. — Д. Б.), что сказанное Сталиным надо принять как похвалу. При этом пожал ему руку и произнес:

— Поздравляю, держи голову выше!

К нам подошли секретари ленинградского горкома, а потом присоединился и Жданов, решивший, видимо, нас подбодрить:

— Не теряйтесь, держитесь по-ленинградски, мы не такое выдержали <...>

В дверях показался Сталин. Видя толпящихся ленинградцев, шутливо удивился:

— Чего это ленинградцы жмутся друг к дружке? Я ведь тоже питерский.

Жданов отошел от нас»*.

Жданов пытался не акцентировать внимание на критике ленинградского горкома и позже, когда 15 августа докладывал о постановлении ЦК на собрании партактива Ленинграда. Предварительные тезисы его доклада перед писателями Ленинграда, сохранившиеся в архиве, вообще не содержат пункта о местном партруководстве. Словно отвлекая внимание слушателей от горкома и демонстрируя свою решительность в борьбе с «крамолой», Жданов оснастил доклад массой чудовищных обвинений и просто ругательств в адрес ленинградских писателей и их покровителей в редколлегиях журналов, на десятилетия сделав это свое выступление символом преступного отношения государства к интеллигенции.

Однако пройдет меньше трех лет и уже после смерти Жданова обвинительные формулировки 1946 года отчетливо прозвучат в документах ЦК ВКП(б) на пороге «ленинградского дела». В постановлении политбюро от 15 февраля 1949 года «Об антипартийных действиях <...> Кузнецова А. А. <...> Родионова М. И. и Попкова П. С.» ленинградские руководители были осуждены за попытки создания «средостения между ЦК ВКП(б) и Ленинградской организацией <...> т. Попков <...> вместо того, чтобы вносить вопросы и предложения непосредственно в ЦК ВКП(б), встает на путь обхода ЦК партии... через различных самозванных “шефов” Ленинграда вроде т. Кузнецова»**.

В деле ленинградских журналов невероятным образом переплелись судьбы многих самых разных людей: таких непохожих друг на друга писателей, как Ахматова и Зощенко, ленинградских партийных работников и московских «вождей», борющихся за власть и влияние. Эта очередная кампания преследовала несколько поли-

* Капица П. Это было так // Нева. 1988. № 5. С. 140.

** См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 128.

тических целей. Стремление властей «подкрутить» идеологические гайки, «поставить на место» писателей тесно соединилось с политическими интригами в Кремле и предопределило выбор объектов погрома. Уже попадавшие ранее в опалу Ахматова и Зощенко на этот раз поплатились не только за свое «невыдержанное» творчество, но и за то, что оказались авторами журналов, выходивших в городе, руководство которого было втянуто в интриги «большой политики».